АнтиМИРЫ
ФАНТАСТИЧЕСКИЙ БОЕВИК

ГЕРМАН РОМАНОВ

КРЕСТОНОСЕЦ из будущего

Командор

Крестоносец из будущего

Герман Романов

Командор

«Яуза»
2012

Романов Г. И.

Командор / Г. И. Романов — «Яуза», 2012 — (Крестоносец из будущего)

НОВЫЙ фантастический боевик от автора бестселлеров «Крестоносец из будущего. Самозванец» и «Спасти Колчака»! Наш современник, заброшенный в Антимир, где почти вся средневековая Европа завоевана мусульманами, становится Командором рыцарского Ордена Святого Креста и последней надеждой христианской цивилизации. Пусть все прежние Командоры пали либо от вражеской сабли на поле боя, либо от кинжала и яда наемных убийц, а сам Орден, разбитый арабами, на грани полного уничтожения; пусть «попаданец» едва владеет холодным оружием и на коне сидит, как собака на заборе, а против него и польские паны, и продажные церковники, и чернокнижники, и принявшие ислам угры (венгры), – зато за плечами Крестоносца из будущего 20 лет службы в советском спецназе, на поясе – легендарный клинок, по преданию принадлежавший самому Иоанну Златоусту, а на знамени – древнее пророчество, что «Меч Веры» остановит «саблю пророка»!

© Романов Г. И., 2012
© Яуза, 2012

Содержание

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ 5
Глава 1 5
Глава 2 8
Глава 3 12
Глава 4 15
Глава 5 19
Глава 6 22
Глава 7 25
Глава 8 28
Глава 9 33
Глава 10 38
Конец ознакомительного фрагмента. 40

Герман Иванович Романов
Крестоносец из будущего. КОМАНДОР

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ
«ВСЕ, ЧТО БЫЛО, НЕ БЫЛО, ЗНАЛИ НАПЕРЕД»

Глава 1

Зайдя в келью, Андрей увидел, что священник стоит на коленях и молится. Обстановка внутри была если не убогой, то предельно аскетичной: грубо сколоченные стол, пара лавок и топчан, застеленный тощим тюфячком, набитым соломой, которая проглядывала сквозь дыры, полка с глиняной утварью, закопченный очаг – и все, полная нищета.

Из обстановки выбивались, но, может быть, специально ее подчеркивали иконы в серебряных окладах да золотая лампадка с маленьким огоньком.

Именно перед ними старик склонил голову, оставив беззащитным затылок. На миг мелькнула и погасла мысль: «Если я сейчас ему врежу, то легко убью…»

Андрей тоже встал на колени и постарался молиться. Было странно, но получалось: год назад был еще абсолютным атеистом, но с какого-то момента его душа возроптала. Прячась от жены, украдкой, он все же старался перекрестить хотя бы лоб перед едой да купил в церковной лавке в городе и стал носить крестик.

Церкви в их деревеньке не было: как снесли при коммунизме, так заново и не отстроили, некому – два десятка дворов, старики, доживающие свой век, спивающиеся мужички да молодежь, всеми правдами и неправдами рвущаяся в город.

Неумело, своими словами он благодарил Бога, и было за что: всякого повидал он в жизни и под смертью хаживал, но кто-то или что-то отводило от него лихо, словно берегло и готовило к чему-то важному.

Слова «Отче наш», вполголоса читаемые стариком, странным замысловатым узоров вплетались в его собственные мысли. Кто он такой? Прошел Афган срочником, потом училище МВД в Новосибирске – обычный «вован», пусть и ротой командовавший. Затем СОБР, где получил майора и стал «краповиком», хотя берет вручили не по испытанию – года уже не те, как и здоровье, староват-с, а в Чечне такое редко, но происходило.

И все – дырки в организме и контузия, как итог пенсия, убогий домишко в далекой таежной глуши. А там кто его дернул с тайменем силами мериться, выуживать?!

Вот и захлебнулся в реке, утопила его огромная рыбина. Но вместо рая или чего-то другого, пожарче и с мохнатой прислугой у котлов, суетливой и работящей, очутился даже не в прошлом, а в каком-то ином мире раннего средневековья, где почти вся христианская Европа давненько с минаретов призывы слушает и намазы совершает…

Помолившись, священник присел у своего ложа и вопросительно смотрел на него, показав на лавку – присаживайся.

«Что за жизнь такая?! Гостя нужно накормить, в баньке попарить, а потом и расспрашивать. А тут на тебе – сразу допрос! Еще бы, самозванец появился, командор липовый. И что делать будем?»

Но мысли мыслями, а что придется наизнанку выворачиваться, Андрей сразу понял, присел на скамью, сняв с себя меч, и демонстративно отложил его в сторону. Но так, чтоб рукою можно было схватить. Мысленно собравшись, Андрей взглянул в глаза старого отшельника:

– Я не командор ордена Святого Креста Андреас фон Верт… Я самозванец! Правда, выбора у меня не было…

Андрей решил играть начистоту, потому что других вариантов у него просто не имелось.

– Ты сказал правду, – медленно произнес священник. – Ты не морок или нечистый, раз молитву читал. Ты – живой человек, но не командор фон Верт, хотя очень на него похож. Очень… Скажу более – сходство просто поразительное, и любой крестоносец признал бы тебя за него, кроме меня… – Тут старый рыцарь остановился и отпил воды из ковша. – Я делал ему знаки ордена на груди, когда он вступил в наше братство. У тебя похожая надпись, правда, одна черточка в ней немного другая – я не мог не узнать ее. Но… – он помедлил, – теперь никто в этом мире не сможет разоблачить тебя, ни один человек, кроме меня…

– К чему ты это говоришь?

– Ты можешь спокойно убить старика, и никто не узнает твоей тайны. В тебе чувствуется опытный воин, да и меч у тебя знатный, хотя ножны ему чужие. А у меня нет оружия, ты сам видишь…

– Я воин, тут ты правильно заметил. Но я не убийца, запомни это!

Андрей ощерился.

– Я знаю это! – Он тяжело вздохнул. – Просто иной раз человек очень слаб духом…

Холодок прошел по спине Андрея, словно старик видел его насквозь и слышал его мысли.

– Искушение его почти сразу одолевает…

Старый отшельник снова отвернулся и зашептал молитву. Андрей терпеливо молчал, пока тот не заговорил снова.

– Ты мне пока ничего не рассказал о том, почему твои люди называют тебя командором крестоносцев, которые все до единого погибли давным-давно. Поведай мне это, сын мой. Поверь, я не причиню тебе зла, но мне надо знать! Всю правду!

– Давай так – я тебе расскажу все! Как на исповеди…

– Почему как? Ты истинно верующий, хотя читал молитву не на латыни, а на славянском…

– Я читал? – искренне изумился Андрей.

– Да! – Старик покачал головой. – Ты что, не помнишь?

– Н-нет… – Андрей промямлил в растерянности, собрался было ответить, но отшельник улыбнулся.

– Ты молился, сын мой, хотя сам этого и не понял! Слова шли не от разума твоего, а от сердца! Хотя, – он внимательно взглянул на Андрея, – крестился ты, как ромей, справа налево… Все одно: мы братья во Христе! Я – священник, и тайна исповеди для меня свята.

– Тогда слушай, отец! Только постарайся не удивляться – это не бред или ложь, то, что я расскажу, – истинная правда!

…Священник слушал внимательно, ни разу не задал не то чтобы вопросов, а вообще не проронил ни единого слова или звука и лишь иногда чуть покачивал седоватой головой от удивления.

Закончив свою искреннюю исповедь, изрядно затянувшуюся, Андрей взглянул на старого отшельника, лица которого он уже не мог разглядеть в наступивших вечерних сумерках.

– Страшные вещи ты говорил, сын мой. Что я могу тебе сказать?! Твой мир захватила нечистая сила, и бесы там празднуют свою победу, поработив не только души людские… Посягнувши на саму церковь, отцы которой впали в грех гордыни и стяжательства, присвоив себе право творить от имени Господа нашего вседержителя… И это самое малое! Как можно отринуть христианские устои и поощрять содомские грехи?!

Священник не то чтобы покраснел – он побагровел от еле сдерживаемой злости, но смог себя взять в руки – лицо его понемногу осунулось и, как показалось Андрею, почернело.

– Иди к своим людям, сын мой, они ждут тебя! А мне надо помолиться! Спи спокойно, уже глубокая ночь, и тебе надо отдохнуть. Утро вечера мудренее, – тихо и задумчиво подвел черту под долгой исповедью Никитина старик и сделал прощальный знак рукой.

Андрей удивился такой знакомой пословице, но тут же покорно встал, лишь кивком попрощавшись с отшельником. Затем, низко пригнув свою голову, вышел из хижины.

Остальные не спали, а ждали своего командора – на горячих камнях стоял котелок, в нем дымилась каша и остатки копченого мяса. Они не хотели ужинать без него и сидели голодные, дожидаясь возвращения.

Вечеряли при свете костра, в который Прокоп щедро подкинул большую охапку сухого хвороста. Яркие языки пламени взметнулись в черноту, осыпав искрами.

– Завтра ты, Прокоп, и ты, сын мой, – Андрей посмотрел на Велемира, который перестал жевать и застыл, ожидая распоряжения, – сходите в лес и принесите дичи, птицу там или косулю. Или еще что, весом побольше…

И усмехнулся – по непостижимой прихоти судьбы парень признал его своим отцом, и давняя афганская татуировка группы крови играла здесь главную роль. В этом мире она выполняла совсем иную функцию…

– А Чеслав с Досталеком наломают хвороста. Да у кельи его сложите рядышком, чтоб старику далеко не ходить!

– Исполним, ваша милость, – вчерашние холопы, освобожденные им из узилища, поклонились, и Андрей усмехнулся про себя – другими словами, конечно, но таким же тоном и горящими глазами отвечали солдаты ему, своему командиру, в той, прошлой жизни.

– А ты, Арни, за всем присматривай, тебя нечего учить!

Старый орденец, в потертом красном плаще с белым крестом, наклонил голову. Матерый воин, выручивший его в злополучном трактире, где он сам вляпался в западню, как юнец, и уже считал, что все кончено и поляки его просто нашинкуют мечами. Таким всегда можно доверять, не продадут, и вражеский удар отобьют, и спину прикроют.

Немного поговорив еще на сон грядущий, новоявленные служители ордена Святого Креста разлеглись у костра, но плотно сбитой массой – ночи стали холодные.

Андрей еще долго сидел у костра и размышлял. Потом поднялся, лег на подстеленную попону и уснул, крепко и без сновидений…

Глава 2

В предрассветных сумерках, ежась от холода, поднялись все практически одновременно. Сон моментально улетучился, стоило только облиться холодной водой и докрасна растереться полотенцами. Потом была изнурительная часовая тренировка, ставшая ритуалом за эти дни и завершившаяся обязательным для всех купанием и обтиранием.

Завтракали кашей, запивая кисловатым вином из кожаной фляги. Потом молодежь отправилась на сбор валежника и охоту, Андрей же в гордом одиночестве стал методично отрабатывать рубящие и колющие удары мечом…

– Очень интересный удар у тебя, сын мой. С коня больше требуется рубить с плеча, а вот в пешей схватке такой прямой выпад просто неотразим. И выпад резкий, и удар достаточно сильный. – Голос бывшего рыцаря, а нынешнего священника прозвучал дружелюбно и по-отечески искренне, заботливо.

Да и обращение словами «сын мой» говорило теперь о многом. Андрею стало ясным, что и сам священник сделал за прошедшую ночь определенные выводы, которые напрямую касались его дальнейшей жизни. Но все же что решил ночью старый отшельник?

– Придет уже умерший, но еще не рожденный… Пророчество святого Феофана…

И хоть тихо прошептал священник, но Андрей, у которого в данный момент слух обострился до предела, все хорошо расслышал. Отшельник же словно рассуждал сам с собой:

– Ты говорил вчера правду, сын мой, но эта истина ужаснула меня. Скверна празднует уже пир там, стремится отпраздновать свой кровавый пир и здесь. Тот мир гибнет, Господь стал спасать праведников, отправляя их туда, где добро еще отчаянно сражается. Воистину всегда неисповедимы пути Господни, и не мне, грешному, сомневаться в божественном предвидении. Укрепим же свои слабые души молитвой, и Господь подскажет нам нужное решение. – Священник встал на колени и начал внятно читать молитву. Андрей тоже расположился на коленях рядом с отшельником, и потихоньку молитва заняла все его мысли, наполнила собой всего его…

– Очнись, сын мой! Молитва твоя была праведной, раз ты полностью ушел в нее. Но нам еще необходимо решить некоторые важные проблемы. Садись, сын мой, и слушай меня внимательно. Ты рыцарь, Андрей из рода Никиты, в этом у меня теперь нет никакого сомнения. Рыцарь благородных кровей! Только они постоянно изнуряют свое тело трудом и холодной влагой, только они могут взять под свою защиту униженных простолюдинов, не кичась и не боясь последствий этого шага. Ты не совсем хорошо дерешься мечом и секирой, прости, я это видел. Но это не вина, а беда – в твоем мире зла у тебя было другое оружие. И я уверен, что пройдет только немного времени, и ты полностью овладеешь нашими мечами, секирами и копьями… – Отшельник остановился в своем монологе и стал внимательно рассматривать Андрея, задумчиво теребя искалеченной рукой свою седую бороду.

Он будто бы искал какой-то ответ, но пока не находил его. Прошло немало минут в отнюдь не тягостном молчании, и суровое лицо священника внезапно прояснилось, и Андрей сразу же понял, что решение какой-то проблемы найдено старым рыцарем ордена.

– Ты орденец, брат мой, и иначе быть не может! Ты там тоже воевал, и твое воинство, как я понял, тоже было подобием ордена…

Андрей чуть не поперхнулся, представляя своих собровцев рыцарским орденом. Хотя… В чем-то старик и прав, они ведь тоже своеобразная каста, спецназовцы, и тоже, он помрачнел, вспоминая Чечню, ведут «крестовые походы»…

– Так же, как мы, дрался с неверными и нечистью, шрамы на твоем теле о многих боях говорят. – Старик продолжил: – Рыцари в твоем мире именуются лейтенантами, каждый из которых имеет свое «копье». Твой прежний рыцарский чин звучит как «старший» – майор… И

ты говорил, что он главнее «головы» – капитана, который командует тремя «копьями». А при нем есть прапорщик, и я рад, что даже в ваше время остались знамена и доблестные воины, которые их носят. Хотя германцы называют прапорцы баннерами…

– Верно мыслишь, отче!

Андрей хмыкнул, рассуждения священника были забавные, но по сути правильные.

– В нашем ордене так же, – старик словно не заметил иронии Андрея. – Баннерный рыцарь командует тремя «копьями», а командор тремя «флажками» – баннерами. Наверное, и майор – другое имя командора, да и себя ты не раз называл командиром, по-нашему это и есть. Знаки на теле у тебя тоже наши, да ты и говорил, что это группа крови – она всегда будет отличаться, и не только от простолюдинов, но и от всех других рыцарей. Прости меня, Господи, грешного, опять во мне заговорил грех гордыни, – и священник перекрестился.

Андрей почти сразу поддержал старого рыцаря, рука сама потянулась совершить крестное знамение.

– Неисповедимы пути Господа нашего! Он вернул командора Андреаса, род которого ведом только Господу, но смертным будет известно, что он тот самый, из прежних «хранителей». Мы почти никогда не называем родового имени, потому что орден имеет высшей целью служение Господу не только крестом, но и мечом. И в первую очередь именно мечом. Встань с колен, брат мой! Иди за мной и возьми с собой двух лошадей!

Тяжело опираясь на крепкую палку, священник захромал, но довольно быстро пошел вперед. Они миновали хижину отшельника, затем белую известковую скалу и углубились в прекрасную березовую рощу, расположенную на склоне горы.

Шли очень долго, больше часа, миновав на своем пути старую и давно заброшенную овчарню, и уткнулись в протяженный, но низкий скальный склон. Здесь старый отшельник сделал длительную остановку и задумчиво огляделся кругом. Потом указал Андрею на кучку небольших валунов у подножия одной из самых высоких скал.

– Привяжи лошадей к тем деревьям, а потом раскидай эти камни по сторонам, брат! Но недалеко. Под ними вход в тайную пещеру, – тихо попросил старый священник.

Добрый час трудился Андрей, как стахановец, ставивший очередной рекорд, оттаскивая в стороны тяжелые камни. Наконец открылся узкий лаз, а он сам облегченно вздохнул, чувствуя себя ломовой лошадью, исходящей паром от непосильной работы.

Отшельник лег на холодные камни и вполз в лаз, однако его в темное нутро за собою не позвал, даже сделал запрещающий знак.

– Раз низя, значит, низя, – пробормотал Андрей. Он ни капли не обиделся, давно уже усвоив, что есть в жестоком мире вещи, о которых лучше совсем ничего не знать. Старая проверенная временем аксиома – меньше знаешь, лучше спишь. А то и дольше!

Он так и не понял, как старику удалось в одиночку затащить в пещеру такую уйму доспехов и оружия. Вначале из лаза появилось толстое и длинное рыцарское копье с защитной «чашей», затем тяжелый рыцарский меч с богато отделанной рукоятью.

Оружие ему понравилось – лезвие из темно-синей блестящей стали, отделанная серебром гарда, белый орденский крест в навершии. Такая же эмблема размещалась и на ножнах из добротной черной кожи, богато отделанных серебром и золотом. Хороший меч!

Только его собственный почему-то ближе лежал к сердцу, хотя и выглядел проще. Но сталь, острейшая, с загадочным узором, притягивала душу. Вот только ножны необходимы под стать, а то наскоро сделанные на хуторе, словно дерюжная упаковка для рождественского подарка…

Вскоре в лазе появились секира и длинный тонкий кинжал, тоже все в серебряной отделке и со знакомой эмблемой ордена. Следом священник подал полный рыцарский доспех – кольчугу с капюшоном, тяжелую кирасу из черной стали, с той же отделкой и эмблемами, ведроподобный шлем с «Т»-образной прорезью, выше которой красовался знакомый крест.

Вскоре на свет появились два больших свертка с алой тканью, стальной налобник и кольчужные попоны для боевого коня. Завершением подземной работы стала объемная тяжеленная кожаная сумка.

– Здесь, – старик показал на сваленную кучу, – брат мой, полный рыцарский доспех ордена, оружие и убранство для рыцарского коня. Оно служило мне честно двадцать лет, и теперь это все твое. Я дарю его тебе. Твой нынешний доспех неплох, но он не идет ни в какое сравнение с полным облачением крестоносца. Надевай настоящие орденские латы, брат, я буду помогать тебе! Однако надо хорошо заложить пещеру камнями, чтоб никто ее не нашел!

– А там что, еще что-то осталось?

Старый рыцарь взглянул на него несколько сурово, но с улыбкой, как на расшалившегося ребенка.

– Брат мой, ты еще мало знаешь, – покачал головой старик, – то, что там осталось, тебя не касается… Пока…

Андрей, пристыженный и смущенный, расторопно принялся за работу, и вскоре узкий лаз был укрыт грудой камней. Затем он сноровисто уничтожил все следы их пребывания. Священник только одобрительно кивал и кряхтел, глядя на Андрея, пыхтящего и утиравшего пот, катившийся ручьем.

Закончив работу, Андрей отошел в сторону, а священник встал на колени и зашептал что-то, но тихо, так, что Никитин просто ничего не услышал. По всей видимости, старик читал какую-то тайную охранительную молитву над этим хранилищем, чтоб в него не вошел ни один человек, ни случайно, ни с умыслом.

Следующие полчаса занял долгий процесс облачения в доспех. Толстый войлочный поддоспешник, затем кольчужная «рубашка» со «штанами», сплетенными из вороненых колец.

Металлическая «одежда» была ему чуточку великовата, но священник этим обстоятельством оказался даже доволен. Затем старик стал крепить железные латы – кирасу с наплечниками и налокотниками, вот они пришлись почти впору.

Немного дольше провозились они с блестящей металлической «юбкой», железными набедренниками и наколенниками, потратив на застежки уйму времени.

Самому Андрею было неудобно помогать, а священник не мог быстро и сразу с ними справиться. Но совместными усилиями кое-как наладилось. В самом конце длительной процедуры на ноги надели кованые рыцарские «сапоги», широкие и тяжеленные, а затем латные «перчатки».

Открыв кожаную сумку, старый рыцарь достал оттуда свой золотой пояс и шпоры, завершившие облачение. Двухпудовый доспех привычно лег на широкие майорские плечи – тому приходилось в жизни подобную тяжесть много раз носить в виде бронежилетов. Да и в последние дни кольчуга и латы стали для него уже привычны.

Вот только одно озадачило Андрея. Хоть и невеликий он был знаток в истории, вернее, почти никакой, но вот такой доспех и оружие должны были появиться века через два, никак не раньше.

«И с чего это такое, выражаясь современным языком, ускорение научно-технического прогресса в военной отрасли произошло?» – задав сам себе этот вопрос, он пока не находил на него ответ.

Священник немного отошел в сторону и, как показалось Андрею, сам втайне полюбовался делом рук своих.

– Доспех впору, будто на тебя изготовили, ведь мы с тобой одинаковы, может, ты на два пальца выше, но вряд ли больше. Теперь прошу встать на колено, брат мой, и клянись в следующем. Но вначале дай мне немного взглянуть на твой меч…

– Он тебе знаком?

– Нет. Но я читал про него и вроде бы узнал рукоять. Теперь хотелось убедиться, есть ли на клинке узор?

– Есть!

Андрей кивнул и потянул меч из ножен. Перехватив за лезвие двумя руками, он протянул его старику. Но тот, к великому удивлению, отшатнулся, сделал даже шаг назад. Лицо старика побелело, а глаза буквально впились, пожирая взглядом замысловатый узор сверкающей стали.

Глава 3

– Этой грамотой, что выбил у тебя командор, ты, Ярослав, связал меня сейчас по рукам и ногам!

Высокий пан в кунтуше положил крепкий кулак на широкий дубовый стол. Хищное лицо скривилось, будто магнат быстро зажевал две горсти дикого, жутко кислого крыжовника.

Лежащий на ложе кастелян ничего не ответил – сейчас, по прошествии нескольких дней, он уже отошел от шока, вызванного той неудачной схваткой, закончившейся сломанной ногой, что попала под удар оглобли свирепого орденца, воскресшего из мертвых.

– Но я тебя не виню, сам вижу. Да и командор за эти пятнадцать с лишним лет навыков своих не утратил. А будь он с мечом, я бы не трех, а семерых потерял, с тобой вместе…

– Пан Конрад, мы не можем сейчас напасть на Белогорье…

– Да понимаю я! – Сартский зарычал злым псом. – И потому еще, что в Кракове чехи сидят с папским легатом, и их новость о воскрешении фон Верта сильно обрадует. Да и Бужовский, холопий сын, нам сразу удар в спину нанесет. А если еще в Лиенце эту грамотку папе поднесут?

И магнат, и его искалеченный кастелян дружно засопели – такой вариант событий был бы самым неблагоприятным. Связываться с церковью, пусть и ослабевшей от двухвекового натиска мусульман, потерявшей «Святой град апостола Петра» – Рим – ранее называвшийся Вечным городом, но воинственной и энергичной, им жутко не хотелось.

Обделывать свои делишки, общипывая орденские владения потихоньку, сельцо за сельцом, это одно. А вот попасть под папскую буллу за открытую войну с крестоносцами, совсем другое дело, и крайне печальное для них, ибо соседствующие с ними паны разом воспылают любовью и верностью к вере, хотя и приняли христианство здесь только полвека тому назад, и поделят его владения, потому что, как бы ни был силен медведь, но от стаи голодных волков он никогда не отобьется в одиночку.

Нет, воевать открыто нельзя! Но опробовать свои силы немного не помешает, раз трактирщика на три сотни злотых ограбили. Свой человек, а их защищать надобно, чтоб другие злоумышленники это знали и боялись повторить!

– Я думаю, нужно помочь Завойскому Притулу охолопить. – Магнат оскалился улыбкой, а глаза гневно сверкнули.

– Но без нашего участия, – слабым голосом отозвался кастелян. – Так, дать полсотни воинов, этого за глаза пану хватит. У него почти столько же в дружине… Да, хватит…

Договорить Замосцкий не успел – за крепкой дверью прогрохотали торопливые шаги, и на пороге появился оруженосец магната, зрелый матерый воин с широченными плечами, в ладном доспехе без шлема – на все лицо протянулся уродливый шрам.

– Беда, ваша милость! Орденцы истребили людей Завойского в Притуле. Одиннадцать душ, а двенадцатого воя отпустили…

– Откуда они там взялись?! – Сартский взревел раненым медведем, машинально схватившись за рукоять меча.

– Воин говорит, что крестоносцев было три «копья», никак не меньше. Да еще «синих» видел. И лучники подошли, ополченцы из сел, до сотни, а то и намного больше.

– С такой силой они пана Завойского раздавят, даже если мы ему свою полусотню в помощь отправим! Вместе с нею…

Кастелян с вымученной улыбкой посмотрел на своего сюзерена, который только рот открывал, как вынутая из воды рыба, наливаясь по щекам алым цветом ярости.

– Орденцами там командовал сам командор, его все так называли, со шрамом на лице. Это фон Верт! – Зденек бросал слова, как камни, лицо стало отрешенным – вестники несчастья

всегда так говорят. – И хуже. Он видел на одном крестоносце, когда тот снял с себя плащ, доспехи нашего Ярека!

– Час от часу не легче! – прорычал пан Сартский. – Я как чувствовал, и Ярек на них где-то напоролся…

– Нет, пан Конрад, – Кастелян приподнялся на ложе. – Он не напоролся на них! Эти орденцы ждали фон Верта. Командор явился сюда неспроста, его встречали. И думаю, хотели напасть на нас и освободить Зарембу. Они своих рыцарей в плену не оставляют…

– Что ты хочешь сказать? – Сартский резко повернулся к оруженосцу. – Зденек! У тебя есть еще что?!

– Нет, ясновельможный пан. – Оруженосец поклонился и незаметно подмигнул кастеляну. Тот только прикрыл глаза веками, молчаливо соглашаясь и восхищаясь своим давним приятелем.

Если бы Зденек сразу сказал, что Ярека убили, то неизвестно, как поступил бы в горячке пан Конрад. А так спасительный ход – своего подручного пана Завойского, который мнил себя самовластным, их ясновельможная милость несколько недолюбливала. И предупреждали Завойского не лезть в Белогорье в одиночку, только собственными силами. Не один раз остерегали – и теперь пан получил за свою наглость…

– Что нам теперь делать, Ярослав?

Голос Сартского вывел кастеляна из язвительных размышлений о соседе, который ему досадил один раз крепко своей чванливостью, назвав приживальщиком.

– Отпустить сегодня Зарембу, вернув оружие и коней. Одарить знатно да сказать, что по злосчастной ошибке и гнусному оговору захват сей произошел, о чем ваша милость сожалеет…

– Что?! Да никогда! Чтобы дары ордену приносить?!

– Не торопитесь, пан Конрад, – Кастелян умоляюще поднял руки. – Ведь все вернется вам сторицей. Сейчас воевать с крестоносцами нам никак нельзя. Ведь то, что случилось в Притуле и с Яреком, не более чем предупреждение. Стоит ли воевать с врагом, про которого мы так мало знаем? Ведь не просто же так воскрес командор фон Верт?!

Сартский задумался – кастелян никогда не давал ему дурных советов. Потому силой воли он задавил растущий внутри гнев. Замосцкий продолжал гнуть свою линию.

– Мы знаем, сколько крестоносцев сейчас в Белогорье? Можем ли мы быть уверены, что орден не получит помощи? Одно дело воевать их месяцем раньше, но сейчас-то совершенно иной расклад. Я думаю, что известие о фон Верте уже получено в Кракове, а чешский король и так неровно дышит к орденцам. И что еще хуже – мы не знаем, как отнесется церковь. А если булла? Начни мы войну, а нас отлучат? К ордену, как мухи на дерьмо, сразу слетятся сотни рыцарей и воинов!

Властный магнат только засопел в ответ, стиснув кулаки до хруста. Он был гневным и жестоким человеком, но умел прислушиваться к доводам рассудка и понял, что с претворением в жизнь заветных планов следует повременить. Сартский произнес лязгающим голосом:

– Хорошо, я сделаю так, как ты сказал. Отпущу Зарембу со всеми его крестоносцами и с дарами…

– И отправишь в Бяло Гуру Завойского с извинениями. И Зденека от себя, я поехать не могу, к сожалению.

– А это еще зачем?

– Ты полностью поменяешь свое отношение к ордену на людях – все должны видеть, что ты в фон Верте души не чаешь. А потому со Зденеком отправь богатые дары. Очень богатые, с оружием. Ведь будущему врагу мечи в подарок не везут?

– К чему ты клонишь?

Вопрос был задан подбодряющим тоном – магнат уже прикидывал, как будет выполнять предложенные кастеляном меры.

– Я слышал, что на Висле появились два хирда нурманов?

– В одном полсотни воинов, в другом полная сотня. Идут за Карпаты, пограбить магометан. Угры богато живут!

– Маловато их для похода…

– А кто из наших князей пустит по Висле таких отъявленных негодяев в большом числе?! Да и для грабежа идут, не для войны. Хотя вои превосходные, каждый из них трех наших стоит.

– И десяти крестьян, – вкрадчивым голосом добавил кастелян. И негромко предложил, усмехнувшись: – Они нам будут нужны!

– Ты сдурел?! У меня казны на это отребье не хватит! Да и что скажут паны – с язычниками на папских крестоносцев идти?! Да легче самому зарезаться…

– Разве я так говорил? – Кастелян лукаво прищурился, и негодующий страх с пана Сартского разом смыло. Он буквально впился в глазами своего хитрого подручного, лихорадочно соображая, куда же тот клонит.

– А вот если нурманский ярл пойдет в Словакию через Бяло Гуру? Дорога то прямая, да люди ему подскажут и мзду дадут. А если пограбят северные поганцы там все, пожгут, орденцев перебьют?! Их же от грабежа не удержать никак! А полон уграм продадут…

– А я отомщу за гибель моего друга, командора ордена Святого Креста фон Верта! – торжественным голосом, но со злой усмешкой произнес Сартский и захохотал. – Ну ты и выдумщик, Ярослав!

– А у меня должок пану Андреасу остался, – Кастелян похлопал ладонью по лубку, в который была заключена искалеченная нога.

– Через два месяца и выплатишь! К этому времени кость срастется и в седле сидеть будешь… И знаешь что?! Я Зденека в Белогорье посылать не буду! Я сам поеду с паном Завойским, одарю фон Верта, и мы там заключим с орденом «вечный мир»… Ха-ха, ну и голова у тебя, Ярослав!

Глава 4

– Откуда у тебя этот меч? – охрипшим голосом спросил священник, завороженно взирая на сталь.

– Как он ко мне попал, ты хотел спросить?

– Да, мне хотелось бы знать, как он нашел твои руки!

– Нашел? – вот тут удивился Андрей, с недоумением посмотрев на старика. И ответил, как было на самом деле:

– Несколько дней тому назад беглый словак, шайку которого мы истребили, слезно попросил принять его в орден. И показал нам, где лежит труп орденского стрелка в синем плаще с белым крестом, при котором разбойники и нашли этот меч.

– Стрелка ордена? Они убили его?

– Нет, он умер до них, от ран. Тати даже похоронили его в расщелине, заложив камнями. Вместе с мечом, вот только без ножен…

– Да то и понятно! – только усмехнулся в ответ бывший рыцарь. – Если бы настоящие ножны имелись, они бы сейчас вместо этого убожества и хранили святыню…

– Святыню?! – Изумление прорвалось помимо воли.

– Да, – просто ответил старик, но тему, к великому огорчению Андрея, развивать не стал, а спросил, пристально глядя прямо в глаза:

– Как стрелок вез сей меч?

– Прокоп сказал, что клинок был завернут в мешковину. Тати ее развернули, посмотрели, но их главарь самолично снова завернул меч и спрятал его под камнями, где и стрелка.

– Почему он так сделал?

– Сказал, что попытаться продать такой меч – самый близкий путь к самоубийству, – усмехнулся Андрей.

– Умен… – Священник пожал плечами и усмехнулся: – Но глуп, что в разбойники пошел.

– Что это за меч? – Андрей вернулся к интересующему его вопросу.

– Я тебе отвечу, но позже. Ты видел труп стрелка?

– Да.

– Каков он?

– Разложение тронуло. Рука запомнилась, правая. Изуродована…

– Десница?! – воскликнул старик. – Нет мизинца, а безымянный вывернут в сторону. Вот так?

Священник отвел палец в сторону под углом и даже потряс кистью перед глазами Андрея. Немного подумав, тот кивнул, соглашаясь.

– Это не стрелок ордена, – тихо ответил бывший рыцарь и почернел лицом. – Это брат Карл…

– Рыцарь? Твой друг?

– Да. И если он один, переодетый, вез эту святыню, то значит, мы потеряли в Словакии еще один замок. Где вы его нашли?

– От Пятничного тракта прямо на юг, влево от Запретных земель, если от трактира считать.

– Сюда вез, – горестно вздохнул священник. – Бедный, бедный Карл… Его замок не устоял, хотя мы отправили помощь…

– «Копье» рыцаря Стефана Зарембы, что сейчас находится в плену у пана Сартского?

Старик только кивнул в ответ. На почерневшем лице светились глаза, а по пыльной щеке поползла слеза, оставив чистую дорожку и спрятавшись в густой, с седыми прядями бороде.

Андрей молчал, глядя на искреннее горе – что такое потеря друзей, он хорошо знал. И, желая отвлечь священника от переживаемого горя, тихо повторил свой вопрос, что сильно заинтересовал его.

– Чей это меч?

– Иоанна Златоуста, – просто и коротко ответил старик.

– Святого? – Удивление было искренним.

– Нет, тогда он был еще язычником и полководцем. Великолепным воином. А святым он стал позже, после того как в его руки попал этот меч. Перед завоеванием Никеи магометанами этот меч, что хранился в церкви, увезли. А папа передал его позже нашему магистру. Он хранился в одном из орденских замков в Словакии. Каком – неважно. Они все, кроме последнего оставшегося, захвачены уграми. Бедный, бедный Карл…

– А ножны где?

– Их не было, и каковы они, никто не знает. Но если они соединятся с клинком, то будет чудо…

– Даже так?

– Есть одно пророчество…

– Какое?

– Зачем тебе это знать?! – усмехнулся старик, встопорщив бороду, и Андрей понял, что тот ему ничего не скажет. Или ответит, но не правду, а если и оную, то не всю. Потому задал другой вопрос, мучавший его сегодня с самого утра:

– Для чего ты меня облачил в эти латы, отец?

– Не отец я тебе, брат-командор…

Не договорив, старик бросил на него испытующий взгляд. Такой, что у Андрея пробежали мурашки по коже. Он понял, что отказаться не имеет права – «Раз попала собака в колесо, пищи, но беги!», а плечами пожал, как бы говоря – куда деваться. Видно, совсем худо обстоят дела у ордена Святого Креста, раз за первого встречного хватаются!

– Встань на колено!

Священник словно прочитал его мысли и резанул взглядом. Потом взял меч и воткнул его в землю, впереди стоящего на одном колене Андрея.

– Клянусь верой и правдой вечно служить ордену Святого Креста, пока не оставят меня силы!

– Клянусь Господом нашим!

– Клянусь возвратить ордену Святого Креста былую силу и славу! Клянусь приложить все свои силы, чтобы изгнать из христианской земли неверных и не опускать меч свой, пока не будет этого на нашей многострадальной святой земле, осененной Иисусом Христом!

– Клянусь Господом нашим!

– Твоя клятва ордену Святого Креста принята! Во имя Отца, Сына и святого Духа! Аминь! Встань, брат-командор, и теперь возьми сей меч, святыню христианскую, и носи его доблестно по освященному праву! Он достойно сражался за христианскую веру!

– Аминь! – повторил за священником Андрей взволнованным голосом. Он поднялся с колена, вытащил меч из земли, отер лезвие и нежно поцеловал серебристую в лучах солнца сталь.

Губы словно обожгло кипятком, и он отшатнулся. Колючие мурашки от похолодевших губ побежали электрическим током по всему телу, и в голове словно взорвалось солнце, ослепив на мгновение ярким, плазменным, чистым светом.

Андрей открыл глаза, поморгал – казалось, он даже стал лучше видеть. Или краски окружающего мира стали ярче? Он потряс головой, словно спросонок, и взглянул на старика. Тот, повернувшись к нему спиной, копался в своей торбе, разыскивая или перекладывая там что-то.

«Ни фига себе, тряхнуло! – Андрей покосился на спину старого рыцаря. – Хорошо, что он ничего не видел!»

Старик, выудив из недр своей сумы баклагу с водой, уселся на камень:

– А теперь помоги мне навьючить оружие на коней!

Отхлебнув воды, он как ни в чем не бывало прикрыл глаза и задремал, не заметив вопрошающий взгляд Никитина.

«А мне предложить?»

Андрей сглотнул тягучей слюной по сухому, словно рашпиль, пыльному горлу так и не заданный вопрос и заковылял к лошадям. Он чувствовал себя ужасно, если не сказать хуже.

Два пуда доспеха изрядно утяжелили его тело, теперь движения давались с трудом. Сопя и кряхтя, он принялся за дело, мысленно подбадривая себя крепким словцом.

Пару раз, бросив искоса взгляд на дремлющего под солнцем старика, Андрею показалось, что он уловил запрятанную в бороде усмешку и хитрый прищур из-под ресниц.

«Ага! – матерясь про себя, Андрей тащил к коню очередную охапку металла. – Зашибись развлекалово придумал, старый пень! Типа проверка для салаги! Курс молодого бойца!»

Однако куча доспехов рано или поздно должна была закончиться, и Андрей измученно взирал на одиноко лежащее на земле рыцарское копье.

Поднять его было целым делом: организм, заключенный в консервную банку доспеха, категорически отказывался низко наклоняться. Максимально согнувшись, Андрей лишь смог коснуться железными перчатками чаши злосчастного копья.

Прикинув, что очередная попытка наклониться, чтобы поднять копье, может закончиться позорным падением, Андрей решил присесть, однако также потерпел фиаско. Покосившись на старика, все еще старательно изображавшего из себя спящего, Андрей зашипел от злости:

«Твою мать, тоже мне, сэнсэй хренов! А я чего, всю жизнь мечтал, что ли, в эти ваши рыцари попасть? А меня, вообще, кто спрашивал…»

Взгляд остановился на притороченной уже к седлу секире, и в голове мелькнула идея. Так и есть: использовав закругленное хищно-острое лезвие, он смог подцепить копье за древко и, наконец, поднять. Двухсполовинойметровый дрын выглядел впечатляюще! И весил так же!

Кое-как, гремя и лязгая, он волоком потащил копье к коню. Через четверть часа мучений Андрей навьючил коня, прикрепив в довершение сверху рыцарское копье.

В полном изнеможении он захотел было опуститься на землю, но тут почувствовал спиной насмешливый взгляд старого рыцаря.

«Сдохну, но не упаду! Я все превозмогу, не такое видывал! Я буду носить это железо, как свою обычную и привычную одежду. Не дождетесь!»

Однако тело протестовало: полный рыцарский доспех оказался в раза два тяжелее прежней «зброи», да еще неудобные наколенники с набедренниками, да сапоги с железными вставками и пластинами сильно мешали, утяжеляя ноги.

– Я этот доспех носил с утра до вечера и дрался в нем часами!

Легким, пружинящим шагом, словно сбросив лет так дцать, священник подошел к Андрею и положил руку на плечо. Словно пудовая гиря потянула плечо вниз, и Андрей заскрипел зубами, пытаясь сохранить равновесие.

– Ты должен научиться его вначале таскать, потом носить, а затем просто не станешь замечать тяжесть. На это может уйти два месяца, но ты привыкнешь за пару недель. Ведь ты командор ордена Креста, а не изнеженный женщинами недоросль-шляхтич! А сейчас держи поводья коня, я возьму другого, и пойдем обратно до кельи. Там я честно отвечу на все твои вопросы, мой командор…

Старик наклонился и неожиданно выпрямился – Андрей уловил только быстрое, как молния, движение и ощутил, как неизвестно откуда-то взявшийся клинок уткнулся ему в щеку.

– А если бы в глаз попал, брат?! – только и смог выдавить он из себя, глядя на серебристую сталь кинжала.

– Ты сейчас должен быть внимателен, брат-командор. Твоей смерти будут желать очень многие, и любая оплошность дорого обойдется не только тебе, но и всему ордену. – Старик упрятал кинжал в сутану, Андрей так и не понял, откуда тот выхватил смертоносное оружие.

– После Каталауна мы в одночасье потеряли двух командоров, последних… Они не были в битве, но одного рука убийцы настигла в замке. Это был единственный предатель среди братьев…

– Я думаю, что их было больше, – Андрей усмехнулся. – Второй командор ведь тоже скоропостижно скончался? И почти одновременно. Такое совпадение слишком подозрительно. Похоже на яд! Да и орденские замки по Эльбе быстро заняли. Слишком быстро, словно кто-то открыл ворота. Похоже, что в них не могли не быть изменники! Да и полный разгром ордена слишком подозрителен – такое ощущение, словно его подставили! Да и мор, что обрушился на Запретные ныне земли, имел странную избирательность – ведь эти села в большинстве своем были орденские!

Андрей смотрел на старика, а тот несколько раз еле заметно вздрогнул, словно каждое слово разило его ножом в сердце. Значит, он был близок к истине в своих размышлениях, переварив ту скудную информацию, что успел собрать за это короткое время.

– Я не ошибся, это судьба! – пробормотал под нос священник и быстро развернул один сверток. Достал оттуда большой алый плащ с нашитым белым крестом. И, подойдя вплотную, бережно накинул его на плечи Андрея. Вздохнул тяжко, медленно завязал тесемки, щелкнул пряжкой. Пристально посмотрел в глаза.

– Пойдем в келью, брат-командор. Нас ждет долгий разговор…

Глава 5

Дорога запомнилась Андрею одним сплошным кошмаром, он шел в почти бессознательном состоянии, еле волоча тяжеленные ноги. Тело горело от тяжести и жары, пот лился струями, как кран с горячей водой в русской бане. Только одно его несколько утешало – тяжесть равномерно облегала тело, а шлем с оружием были на коне, иначе бы он чувствовал себя намного хреновей, что еще очень мягко сказано.

Но все же он дошел, чуть не падая, уже на полном издыхании. Привалился всей спиной к дереву и первой попавшейся под руку холстиной стал медленно утирать пот. А заодно обрадовался – Арни с ребятами ушли на целый день и не видят его позорища.

Священник усмехнулся, сам привязал и разгрузил коней. Потом подошел к насмерть уставшему Андрею и характерным знаком руки, шевеля пальцами вверх, велел тому подняться с земли. Хоть было очень тяжело это сделать, но со второй ожесточенной попытки Андрею удалось подняться на дрожащие от усталости ноги.

Старый рыцарь стал снимать с него доспехи, а Андрей, сжав до боли зубы, всячески помогал в этом разоблачении. Лишь спустя некоторое время он сумел наконец вздохнуть полной грудью – чудовищная тяжесть упала с натертых броней плеч.

Сидя в полном расслаблении на траве, Андрей неожиданно вспомнил старый забытый анекдот и громко расхохотался. Священник с недоумением глянул на него.

– Почему ты смеешься, брат-командор?

– Да вот, историю одну вспомнил. Сейчас расскажу. Однажды встретились как-то в большой пустыне два человека, один нес огромную, тяжелую клетку, а второй мужик еле тащил на плече длинную рельсу. Ну, эта штука такая из железа, в две оглобли длиной, жутко тяжелая. Разговорились между собой и, разумеется, коснулись вопроса о своих ношах – мол, для чего их таскают. Тут первый клетку с натруженных плеч сбросил и говорит с оптимизмом в голосе:

– Я льва увижу и сразу в клетку залезу, и железную дверцу за собой закрою – эта мохнатая тварь ни за что меня не съест, только свои зубы обломает. Ну а ты, путник, зачем рельсу несешь?

– А я льва увижу, так сразу же во все свои силы от него дёру даю. А как тяжело станет, я тут же сразу рельсу на песок бросаю – ни один лев не догонит, так легко мне бежать становится!

Он снова прыснул смешком и впервые увидел, как по-детски может смеяться старый рыцарь, закидывая назад голову, а на лице от жизнерадостного смеха исчезли на это очень короткое время все морщины.

– Я не смеялся уже почти двадцать лет, и этот смех есть доброе предзнаменование, брат-командор. Пока не вернулись эти юноши, я скажу тебе сразу – теперь по регламенту ордена Креста я в твоем полном распоряжении и готов выполнить любой твой приказ! Кроме одного – того, что противоречит принятому мной сану.

Тут священник серьезно посмотрел прямо в глаза Андрея и стал чеканить слова:

– Ты последний оставшийся командор – сейчас ты единственный «хранитель», а потому глава ордена Святого Креста. И на тебе теперь лежит вся ответственность. Ты должен будешь возродить наш рыцарский орден, чтоб он воспрянул, как феникс из пепла. А это тяжелая задача, ведь орден обескровлен и слаб, большинство польских панов и немецких баронов – наши лютые враги. Я буду помогать тебе по мере моих скромных сил и знаний. Можешь на меня полностью положиться.

– Почему ты так решил, брат? И как тебя зовут? Ты так и не назвал мне своего имени.

– Сейчас паства называет меня отец Павел. В миру звали меня Любомир, я из захваченного ныне басурманами славного Киева, что Куйябой стал. Я из полян. В детстве стал холопом, попал в Богемию, где взял в руки меч и беглым вступил в орден, ставший моим спасением.

Через пятнадцать лет получил серебряный пояс оруженосца, «полу-брата», как их называют. Вскоре на поле боя с уграми командор Ульрих фон Райхенау посвятил меня в рыцари, так я стал братом. У меня нет и никогда не будет детей, тем паче жены, да и родных, что остались на Днепре. Орден есть моя единственная семья и привязанность. Я не могу служить ему мечом, но рука может держать крест. Сейчас мне уже полных 62 года, следующей весной может быть на год больше. Вот только будет ли…

Священник на секунду замялся, глаза гневно сверкнули, а уголки рта собрались в кривой улыбке.

– Сюда придут со своим воинством паны Завойский и Сартский. Прости Господи им злодеяния, ибо они не ведают, что творят! – Отец Павел перекрестился. – Мы все тут погибнем! Неминуемо! А потому не стоит рисковать – ты должен немедленно уходить в Краков, там есть наш замок Замостье, и чехи – давние союзники ордена. А оттуда в Богемию или Моравию, где у нас есть пять замков. Там ты и все твои люди нужны до зарезу. Ты последняя надежда ордена…

– Погоди торопиться, брат Павел! – несколько невежливо перебил священника Андрей. – Куда и зачем мне уходить – это я сам решу. Хочу только получить от тебя честный и прямой ответ – только поэтому ты признал меня командором ордена?

– Ну и хватка у тебя, брат Андрей. Я рад, что в тебе не ошибся, – старый рыцарь улыбнулся, но его голос построжал, – не потому я признал тебя командором! Будь это так – сам убил бы!

Глаза старика загорелись нешуточным гневом, а у Андрея захолонуло сердце – такой дед убил бы сразу и не поморщился. Матерый вояка и до того, как красный плащ на сутану сменил, немало крови пролил.

– Грешно сомневаться в Божественном провидении. И не мне, скорбному, это делать! Ты воин и попал сюда с другого мира. Так?

– Так, – с этим трудно было спорить.

– Ты удивительно похож на командора Андреаса фон Верта, и обликом, словно близнец его, и жизнью, в которой красной нитью прошла война с неверными, как и у него! Орденскую наколку тебе сделал твой друг, воин. И нанес ее, как нашу, а не как принятую в твоем времени…

– Так он пьян был до изумления!

– Вот это и оно. – Священник назидательно помахал пальцем и непроизвольно шмыгнул носом, отчего Андрею показалось, что отец Павел в молодости был не дурак выпить. А тот, словно подтвердив промелькнувшую мысль, произнес:

– Если вино во зло, то пробуждает темные желания, что таятся в каждом из нас. Но если в добро, то человек творит во благо Господа нашего! Так и тот воин водил рукою своею, выполняя Его Предначертание. И так же, как я, тот воин искалечен в бою. Ты мне говорил, я запомнил.

– Ты прав, – после минутного размышления согласился Андрей, хотя ему такое предположение вначале показалось диким.

– А ты, прозябая без трудов ратных в сельце убогом, заново сам взялся речь германскую да ляшскую учить. Зачем тебе она там нужна, если иноплеменников днем с огнем не найдешь?! Что, просто так или…

– Или, – с трудом, но согласился Андрей, вспомнив, как терзался на пенсии и прозябал. И как мечтал вырваться! Допросился…

– И попав сюда, ты сразу встретил собственного сына, да-да, своего! Ты оплатил чужие, но свои счеты! Жаль только, что не прибил там Замосцкого – он еще нам много пакостей доставит. Что, просто так оглоблю схватил и стал ему ноги ломать, а не мозги вышибать?!

Андрей вздохнул – слишком много появилось совпадений. Как в той притче про упертого праведника во время потопа и посланные ему для спасения плот, лодку и корабль. А священник продолжал загибать пальцы, перейдя на левую руку.

– В трактире к тебе на помощь пришел орденец! Тебя нашел этот меч! Что, просто так он на пути попался? А может, ты к нему?! Еще перечислять или хватит таких «совпадений»?! И, наконец, есть пророчество святого Феофана – мне ли ему противиться?!

Старик чуть не сорвался в крик, покраснев и напирая широкой, отнюдь не дедовской грудью, тыкая пальцем – «Он меня за Фому неверующего держит, еще и морду мне набьет за упрямство!». От таких мыслей оторвало его знакомое слово, и Никитин сразу насторожился.

– А что это за пророчество? – Андрей был заинтригован, услышав это имя во второй раз.

– А вот этого тебе знать нельзя. Если пророчество про тебя, то оно исполнится по воле Господа, и тогда зачем тебе его знать? Если же нет, то тем более незачем разум и душу смущать, подгоняя откровение под свои действия?! Ведь так, брат-командор?

– Так, – выдавил из себя согласие Андрей, он не мог не признать резонность сказанных ему слов. Теперь для него все стало ясным.

Глава 6

– Отец Бонифаций!

Мягкий голос служки вывел папского нунция из дремоты, в которую он незаметно погрузился после тяжелого ночного бдения. Хотел поработать над бумагами, присланными из австрийского Лиенца, где находилась резиденция его святейшества папы Александра, да не смог устоять перед зовом уставшей плоти. Уснул, уткнувшись носом в бумаги.

– Прибыл купец Иоганн Нойман. Просит аудиенции.

– Нойман?! Зови немедленно!

Известие, желанное и столь нужное, взбодрило священника и окончательно прогнало остатки сна. Он даже потряс головой, словно собака, отряхивающая воду, придя от данной процедуры в должное состояние.

Дверь в кабинет отворилась, и в него упругим шагом вошел долгожданный вестник в запыленной одежде. Встал на колени и приложился сухими губами к протянутой ладони.

– Здравствуйте, святой отец! – купец поднялся на ноги и замер в ожидании. Нунций чуть улыбнулся краешками губ.

– Я вижу, у вас важные известия для меня, что вы не задержались ни на один час. Вы сильно торопились, герр Нойман, и я ценю ваше рвение.

– Очень важные, святой отец…

– Князь Святослав принял наше предложение?

– Он его отверг категорически, святой отец!

– Значит, княгиня Ольга…

– Она во Пскове, но за ней пригляд, и она уже не имеет прежнего влияния. Единственное, что позволил ее властный сын, так это возвести Десятинную церковь для нее, нескольких бояр, что приняли веру, да приезжих купцов. Христиан во Пскове почти нет.

– Тогда причина вашей спешки для меня ясна – князь Роговолт Полоцкий решил в пику новгородскому князю принять веру.

– Нет, святой отец. Князь отказал нам, хотя строить церковь разрешил. Его единственная дочь Рогнеда принять христианство не пожелала.

– И вы спешили только для того, чтобы сообщить мне эти пренеприятные известия?! – Нунций раздраженно поморщился. – Могли бы хоть переодеться, время есть – такие худые новости не к спеху. Да и нет нужды ставить в известность Лиенц.

В голосе нунция лязгнул металл, а в глазах, прежде кротких, промелькнула опасная молния. Однако Нойман отнюдь не испугался, он давно работал на церковь и знал себе цену. Купец улыбнулся победно, почти как триумфатор, отчего нунций чуть не вскочил с жесткого дубового кресла.

– Да не томите мне душу! Новости, что вы привезли, не стоили и порванного в дороге сапога. А вы сильно торопились, Иоганн! А потому заклинаю вас – не испытывайте мое терпение! Оно небезгранично…

– Несколько дней назад на Пятницком тракте в постоялом дворе, что у Запретных земель…

Нойман сделал выжидательную паузу, наклонился прямо к уху нунция и тихо произнес:

– Я встретил там брата Андреаса…

– Какого брата? Вашего? Что вы мне плетете, Нойман?! Вы с ума не сошли часом?

Нунций в раздражении сыпал словами, а Нойман мстительно улыбнулся – он недолюбливал этого импульсивного отца церкви, которому прямо мешал этот южный итальянский характер, но очень ценил его другие качества, а потому докончил, чеканя каждое слово по отдельности:

– Я встретил там брата Андреаса фон Верта, последнего из «хранителей», командора ордена Святого Креста!

– Что? Андреаса фон Верта?

Нунций захлопал глазами, еще не понимая сказанного, но спустя несколько секунд побледнел. Голос охрип за мгновение, и он прошипел, выталкивая слова из горла:

– Так он не погиб на Каталаунских полях?! Боже мой! Пятнадцать лет, пятнадцать лет прошло… Ты не ошибся?

Такая дикая надежда прозвучала в голосе священника, что Нойман, не мешкая, ответил:

– Это исключено, святой отец! Он дрался там с кастеляном пана Сартского Ярославом Замосцким…

– Убил его?

– Нет, – ответил Нойман, и тут же лицо нунция смертельно побледнело. И купец заторопился, сыпля словами: – Вы меня неправильно поняли. Был не поединок, была обычная драка – командор на моих глазах оглоблей огрел несколько стражников кастеляна, а последнему сломал колено.

– У него что, меча не было?

– Они с кастеляном говорили о какой-то клятве, данной пятнадцать лет тому назад, что брат-командор к нему железом более не прикоснется, но ноги сломает!

– Я вспомнил, – воскликнул нунций, утирая со лба капельки пота. – Такая клятва была дана тогда. И он ее исполнил… Невероятно! Как выглядит сейчас командор Андреас?

– Лет за пятьдесят, лицо в шрамах. Волосы русые, с обильной сединой. С ним юноша, очень похожий на него. Командор один раз назвал его сыном. Одежда у обоих простых воинов, кожаные доспехи, плохонькие мечи. Орденских плащей не было…

– Он не безумец, чтоб в таком одеянии по владениям Сартского разъезжать. Участь брата Зарембы…

– Да, кстати, о нем. Пан кастелян подписал крестоцеловальную грамоту, что обязуется отдаться в руки ордена, если его сюзерен не отпустит в течение недели захваченного им подло рыцаря ордена Зарембу и его людей, честно, купно и оружно. Пан Ярослав такую грамоту подписал и крест на сем целовал. Я присутствовал и собственною рукою писал эти грамоты, ибо у командора письменных принадлежностей не имелось…

– Не может быть!

– Пан кастелян страдал от боли… И от страха – вы знаете, святой отец, как командор умеет его вызывать. А бумага – вот она, – купец достал свиток и с поклоном передал нунцию. – Это копия грамоты, командор специально приказал ее сделать и отдал мне на хранение.

– Он вас узнал?

– Да, еще вечером за столом, как пришел мой обоз. Мы с ним пили вино. Много выпили, очень много, святой отец…

– Я отпускаю тебе этот грех! – с улыбкой произнес нунций. Усталость исчезла, стало радостно на душе, которую обуяла лихорадочная жажда деятельности – новость была ошеломительной.

– Я принял его за странствующего рыцаря, к моему стыду. Я просто не узнал его, в голове не укладывалось, что может произойти такое чудо…

– Все в руках Божьих! – назидательно произнес нунций и перекрестился. Купец тут же последовал его примеру и продолжил говорить:

– Зато он узнал, назвал Нойманом, хотя я раньше сказал ему, что меня зовут Новаком. Я просто был пьян, а потому даже предложил ему сопровождать мой обоз до Праги за десять злотых.

– Ты поскупился, сын мой, – усмехнулся нунций. – С ним были воины, кроме этого юноши?

– Нет, но когда мы услышали звон мечей и выбежали на двор, то командор закричал орденский клич, и мой Арни тут же вмешался, зарубив ляха. А потом сказал мне, что возвращается обратно в орден. Он тоже узнал командора и накинул на того красный плащ – рубашка была порвана, а на груди были видны знаки крестоносца.

– Ты их разглядел? – нунций впился взглядом в своего тайного конфидента, а проще говоря, шпиона.

– Нет, но Ядвижка, что вечер с ним провела, а потом на ночь удалились вместе, сказала о том слуге трактирщика, а мой человек подслушал. Там нанесены были круг, крест и древо. К сожалению, я об этом узнал лишь после схватки во дворе!

– Это командор! – прошептал нунций и стиснул зубы – его колотило от нервного напряжения. – И где он был столько времени?!

– У меня есть соображения по этому поводу, святой отец, – вкрадчиво произнес купец, прекрасно слышавший последние слова. И видя, что нунций ничего не отвечает, а молчание есть знак согласия, то заговорил, принизив голос до шепота.

– На нем простой золотой крестик, но чеканка явно византийская. А цепочка так просто чудо – я такой изящной и тончайшей работы еще не видел. Колечко к колечку, все похожи, а их и разглядеть толком нельзя. И раз крестился он как все ортодоксы – справа налево… Вот тут-то я и призадумался – с чего это германский рыцарь, пусть и обедневший, уж больно плохо был одет, а крестится, как ромей…

– А ведь это объясняет его долгое отсутствие и в какой-то мере внезапное появление!

– Вы имеете в виду «духовную» великого магистра, святой отец?

– Не только ее. Святой престол еще двадцать лет назад…

Нунций не договорил и задумчиво посмотрел на купца – глаза священника приняли странное выражение.

– Ну что ж, сын мой. Ты славно потрудился во благополучие нашей матери церкви. Я отпишу о том в Лиенц. А пока тебе предстоит сделать несколько важных дел, о которых мы сейчас и поговорим…

Глава 7

– Ответь мне, брат, что точно означают знаки на моей груди. Ведь я ни ухом, ни рылом… Виноват! Совсем не знаю таинства этой загадочной надписи. Вернее, что она обозначает здесь.

– В самом начале идет Крест, он есть у каждого вступившего в орден. Но наносится воину, кои в ордене «служителями» именуются, только после полугода испытательного срока. Затем, если становится «посвященным», то есть опоясанным рыцарем, или даже получившими право на баннер, справа наносили знак «I». Его ставили поверху большой точки, символа «полубрата» – так называют «служителей», оставшихся на второй двенадцатилетний срок, или оруженосцев. Они имеют право на обращение «брат», но в «посвященные» не входят. То привилегия для одних только рыцарей…

– А «хранители»?

– Они ведают всеми делами и тайнами ордена. А потому их мало – девять командоров и четыре главных вершителя – три приора или магистра, и глава нашего ордена.

– Гроссмейстер?

– Так его именуют тевтоны – великим магистром, ты прав. Священники ордена имеют такие же знаки, ибо все мы воевали под знаменами ордена, только сейчас в руках обычного оружия не имеем. Я сам, в первую очередь, воин, но держать в руках меч для меня сейчас грех.

Старый рыцарь расстегнул ворот и обнажил левую половину груди – на ней чуть выше соска шли насквозь ему знакомые синие знаки татуировки I+. Отшельник потер ладонью надпись, а затем немедленно застегнул ворот и тихо сказал Андрею:

– Почти всегда рыцари, которые уже не могли держать в руках оружия, принимали духовный сан и давали обет безбрачия, целибата. Их рукополагает кардинал по благословению папы. Духовного главы ордена у нас нет, его роль выполняет сам его святейшество. Великий магистр занят только военными и мирскими делами. Вот и все наши тайны, если вкратце.

– И что мы имеем? – протянул Андрей, делая в уме нехитрый подсчет. – До Каталауна в ордене было тринадцать «хранителей», девять из которых командовали отрядами, в каждом из которых по три баннера и девять простых «копий». Так?

– Не так! Тринадцать «копий» по десять всадников, ибо все «хранители» воины.

– Хорошо. Исходя из принципа троичности, «посвященных» рыцарей 81, да 27 старших по рангу и имеющих право на баннер братьев. А также 243 «полубрата» или оруженосцев. Верно?

– Ты считаешь хорошо!

– Итого 121 «копье», или чуть более тысячи двухсот всадников. А пехота имелась?

– Нет, только замковая стража из пожилых или увечных воинов. Ими обычно командовал наиболее опытный «служитель» или оруженосец. Зато были конные стрелки, или «синие плащи», как их называют. Им давалось вознаграждение, служили они половину срока. Орденский знак на грудь таким воинам не наносился.

– Были? А что, сейчас их нет?

– Сейчас почти ничего нет. Долгих пятнадцать лет мы пытались возродить орден Креста, но так и не сумели собрать тринадцать рыцарей для капитула, тех, кто отслужил бы в ордене полный двенадцатилетний срок. Князья потому отказали, ссылаясь на наш же регламент, в покровительстве, а без замков и земель, которые мы потеряли везде, кроме Моравии и Богемии, нет ни одного командорства. И рыцари теперь обходят наше знамя, вступая только в «Братство Святой Марии». А самое плохое – это то, что не остался в живых ни один член капитула, а только они могли посвящать в рыцари наших «полубратьев».

– Так сколько же сейчас рыцарей Креста?

– Два «баннера» в моравских и богемских замках, в них всего пять «копий». Я тоже имею право на флаг, вот только у меня нет «копий», кроме моего. И то без рыцаря, – священник тяжело вздохнул. – Я уже не воин. Со мной всего семь орденцев, на «копье» не наберется. Оруженосец Болеслав и пятеро воинов в здешнем замке, у самого Белогорья. Грумуж у родных, трое «синих» тоже, они из здешних селян. Больше никого тут нет.

– Ты баннерный рыцарь, а у тебя нет «копий»? – удивился Андрей.

– Здесь нет, – поправился старик. – Я хотел передать свой флаг брату Карлу… Но он погиб. В Словакии совсем худо. У нас остался только один замок у «Трех дубов», там «копье» брата Вацлава и десяток «синих». Угры опустошили страну, словаки бегут либо в горы, но там не выжить, либо сюда.

– А Замостье?

– Совсем забыл, память плохой стала, – покаянно произнес священник, но бросил на Андрея хитрый взгляд. – Брат Иоганн сейчас там замок держит, а брат Стефан томится в подвале у пана Сартского. Вот и все наши силы, едва с сотню воинов наберем, – священник тяжело вздохнул и понурил голову.

Новоявленный командор чувствовал себя не лучше – он никак не ожидал, что положение настолько скверное. А потому предложение бежать отсюда в Краков было весьма разумное, и он бы его принял без раздумий, если бы не одно но…

– А почему ты здесь живешь?

– Я получил в схватке с паном Сартским тяжелую рану, правая нога была изувечена, и потерял в том бою последнее село ордена по ту сторону от Запретных земель… – Старый рыцарь еще раз тяжело вздохнул, до сих пор переживая за свое давнее поражение от самого злейшего врага ордена, и надолго замолчал.

Андрей подождал и решил сам заговорить:

– Но ведь пан Сартский сюда явится рано или поздно. Ты думаешь, что он пощадит священника?

– Меня он убьет, это точно! Но я погибну в нашем орденском плаще и с оружием в руке. На пороге этого дома… Или на коне в сшибке… А это лучшая участь для крестоносца!

– Ты же говорил, что здесь нет оружия?!

– Говорил, что у меня в руках его нет. В этом я не обманывал. А в доме оружие есть, но о том ты не спрашивал.

Священник тяжело встал, опираясь на стол, медленно подошел к грубо сколоченной полке и достал пару предметов, которые могли хорошо послужить в деле отнимания жизней. Андрей их узнал – короткий шестопер, увесистую булаву и кистень на длинной рукояти с большим, не зубастым шаром на толстой цепи.

– Кровь не желаешь лить? – поинтересовался Андрей, припомнив из истории особенности вооружения воинов-клириков. – Но ведь ими запросто убить можно, переломав кости.

– Это если желаешь убить! А я не хочу. Но покалечить можно запросто. В стычке или бою этого достаточно.

– А если от такого удара умрут?

– То грех не на мне, если Бог ему исцеление не даровал, грешному, что на бедного священника ордена руку поднял. То волк, что в шкуру овцы заблудшей нарядился.

– Резонно, – согласился Андрей и потрогал крупный шарик. – Тяжелый кистень…

– Это не кистень, брат-командор. Тот – баловство для лесных татей и душегубов всяких. Это моргенштерн, «утренняя звезда», как именуют его на рейнских землях. За такое оружие любого смерда или татя на первом же суку повесить можно.

– Моргенштерн не поможет тебе – через пару месяцев пан Сартский двинет сюда шесть сотен воинов. Чем их остановить?

– Нечем, даже если всех орденцев соберем. Ибо против одного нашего воина будет шесть врагов. Но оголять богемские и моравские замки нельзя, хоть по половине «копья», но там оставить. Потому уходи отсюда, брат Андрей, ты единственная надежда крестоносцев.

– А ты останешься?

– Да! Бяла Гура – наше владение, пусть крестьяне и нарушили свои обязательства перед орденом. Но это наша земля! Уйти я не могу, иначе получу клеймо труса…

– Ты хочешь, чтобы это клеймо получил я сам?! – В голосе Андрея звякнул металл. В груди стал закипать гнев.

– Я рад, что не ошибся в тебе, брат, – с лица священника слетела хмурость, а на губах заиграла улыбка. – Теперь я полностью уверен в тебе, в том, что дело ордена в надежных руках. Нужно отстоять Белогорье, и ты должен сделать это. Ты воин, тем паче не нашего мира. Ты знаешь многие военные хитрости, что неизвестны здесь! Не может же быть, чтобы ты не придумал там, где наш разум полностью бессилен?!

– Ну, ты и хитрец!

Андрей рассмеялся, хотя ему было не до смеха – как выстоять при таком чудовищном неравенстве сил. Что можно придумать? Где найти путь не только к спасению, но и к победе?

– Знатная добыча, – проговорил священник, подойдя к оконному проему. Стекла не было, на ночь оно закрывалось ставнем, а потому свежий ветерок колыхал волосы на голове отшельника.

Андрей тоже выглянул – Велемир бросил к кострищу связку птиц, Арни скинул с плеч косулю.

– Теперь мы будем с дичиной! – весело проговорил Андрей. – Хорошие стрелки, не так ли?

– Да, твой сын луком владеет похвально.

– При чем здесь Велемир? Арни добыл косулю…

– Этот честный хитрец ее только сейчас принес. А весь день он ходил за тобой как тень, не отпуская далеко.

– Я ничего не видел и не слышал. – Лицо Андрея покраснело – не может же быть, чтоб так лопухнулся во второй раз.

– И я его не видел и не слышал, – покладисто согласился старик. – Но знал, что Арни где-то близко. Он будет рядом с тобой всегда – это и его выбор, и мой приказ. А отпущение грехов я ему еще ночью дал, заранее.

– Сговорились? – только и смог вымолвить Андрей, ощущая себя дураком. – Тогда я ему устрою. И тебе заодно…

Глава 8

Тусклый свет через толщу воды… Что-то большое, темное на поверхности… Пузыри воздуха перед глазами… Его собственного воздуха из его собственных легких…

«Мамочка!» – Андрей дернулся к свету, забился, пытаясь вырваться наверх, на поверхность, но неведомая сила опутала все тело и тянула на глубину. Холодная вода сводила судорогой. Андрей вытянул носки в надежде нащупать дно, но под ногами была пустота.

Толстая леска не пускала свою жертву, а все его отчаянные попытки освободиться приводили лишь к тому, что он еще больше запутывался.

Казалось, почудившаяся сперва, промелькнувшая над поверхностью воды тень приняла ясные очертания протянутой руки.

«Туда! Туда!»

Изогнувшись, Андрей в последнем рывке ринулся к спасительному свету, ухватившись со всей силы за протянутую руку.

Воздух! Вдох! Еще один!

Как хорошо!

На мгновение он опешил: вместо привычной теплоты и мягкости человеческой ладони, пусть и загрубевшей, и потной, и мозолистой, любой, но именно ладони, пальцы крепко сжали твердую гладкую кость.

Голова еще ничего не поняла, а тело уже сгруппировалось к броску, реагируя вбитыми намертво инстинктами. Внезапно ноги почувствовали твердое дно, как будто пелена спала с глаз, и Андрей с удивлением увидел, что стоит в воде чуть не по колено. Вместо лески, увлекшей его в воду, он был опутан грязной рыболовной сетью с набившимися ветками и водорослями.

Ухватившись за край, он выбрался на мосток, стряхнул с себя остатки гнилой сети, огляделся. Так и есть: шириной в десять-пятнадцать метров речка, противоположный берег обрывистый и заросший непролазным ивняком.

Мосток, на котором он стоял, небольшой, высотой по пояс, но сложен основательно. На похожем в его деревне бабы полощут белье. Здесь же на досках, порядком почерневших и кое-где уже тронутых гнилью, лежал и дружелюбно скалился скелет.

Большая песчаная коса раньше использовалась для просушки многочисленных сетей. Они и сейчас в беспорядке валялись грязными кучами.

Огромный черный ворон, видимо, потревоживший покойного, отчего рука и соскользнула с доски в воду, чинно прохаживался по песку в десятке шагов от ближней кучи сетей.

Заметив Андрея, он, тяжело взмахнув крыльями, отлетел на пару метров, уселся на днище одной из перевернутых лодок, лежавших на берегу около покосившейся сушилки для сетей, и ударил мощным черным клювом по трухлявой древесине.

– Кар-р!

– И тебе здравствуй!

Андрей присел у скелета: ростом чуть более полутора метров, в истлевших лохмотьях грязной, неузнаваемого уже цвета и фактуры ткани, без обуви и без оружия.

– Ты, дружище, давно тут загораешь?

На ребрах в районе грудины отчетливо видны были следы от, как говорится языком официальных протоколов органов внутренних дел, колюще-режущего предмета.

– Убили давненько, года два, а то и поболее…

Больше никакой информации из беглого осмотра «терпилы» почерпнуть было нельзя.

– Места-то здесь, видимо, совсем глухие: люди не прибрали… Но и зверье не растащило… Странно…

В реке плесканула здоровенная рыбина.

– Да уж, занимательная выдалась у меня рыбалка! – Андрей внимательно огляделся вокруг.

Быстрая речка текла по камням в узкой долине, зажатой с двух сторон высокими горными кряжами. Вверх по течению реки поднимались вдали высокие горные вершины, покрытые зеленью, но кое-где сверкавшие ослепительными белоснежными шапками.

– Кар-р!

– Заткнись!

– Кар-р! Кар-р!

Андрей замахнулся, но ворон не пошевелился.

– Кар-р!

Андрей сделал большой шаг в сторону лодок, еще и еще один, но птица оставалась на месте.

– Вот зараза! Да я тебя…

Слова застряли в глотке от увиденного: за лодками, в небольшой яме, сильно занесенные песком, белели еще несколько скелетов.

«Надо выбираться из этой братской могилы, и поскорее! – Мысли рассерженным роем гудели в голове. – Вынесло же меня бог знает куда! Где же такие места-то у нас? Кругом же люди должны быть… А тут…»

Шевельнувшиеся ветви кустарника заставили Андрея стремительно обернуться. Из ивняка высунулась изящная оленья мордочка. Немного подождав, олениха вышла и направилась к воде, следом за ней скакал пятнистый неуклюжий олененок.

«Ни фига себе! – Андрей завороженно наблюдал за животным. – Это что же творится? Они что, людей не боятся? Откуда у нас олени?»

Олениха нервно пряднула ушами, наклонилась и начала пить. Олененок скакал по песку и воде, поднимая брызги.

– Кар-р!

Внезапно она замерла, подняла голову, вытянула шею, ноздри затрепетали. Андрей не шевелился:

«Зверя почуяла! У меня даже оружия никакого нет… Если волк, то еще есть шансы… А если медведь…»

Олениха повернула голову и встретилась взглядом с Андреем. Через секунду в ее глазах непонимание сменилось страхом, вернее – ужасом. Она изогнулась и с места скакнула в кусты. Олененок скрылся следом.

«Странно!»

Андрей прислушался. Кругом царила такая же мертвая тишина, нарушаемая лишь журчанием речки и редкими плесками рыб.

«Кого же она испугалась? Меня, что ли? Не может быть! Поначалу ведь подошла…»

Непонятный шум отвлек от размышлений. Сначала было сложно определить, что это было, но через пару минут, прислушавшись, Андрей понял: удары в большой барабан сопровождались каким-то странным эханьем. Без долгих раздумий Андрей скользнул в кусты и притаился.

Бум! Дальше как будто тяжелый выдох и снова: «Хэ-эх!» Бум!

Спустя некоторое время из-за поворота реки показался человек, одетый в длинный балахон с закрывающим лицо капюшоном. Человек шел рядом с противоположным берегом. Вода едва доставала ему до колен. В руках он нес длинный высокий шест, увенчанный лошадиным черепом.

Бум! Андрей нервно сглотнул. На груди у шедшего белела связка маленьких человеческих черепов, на поясе были прицеплены и качались в такт шагам, издавая противное звяканье, два серпа.

Бум! Снова: «Хэ-эх!» Следом за импровизированным знаменосцем показалась и основная колонна, при виде которой Андрей почувствовал, что волосы зашевелились на затылке. Барабанщик в таком же балахоне и с черепами на шее задавал ритм этому безумному шествию.

Бум! Хэ-эх! Пять человек хором издавали с каждым шагом это жуткое хэканье.

Бум! Каждый был облачен в странную маску из грубой серой ткани с прорезями для глаз.

«Как у палача!» – Андрей вспомнил детские мультфильмы. Именно в таком мешке на голове и изображался заплечных дел мастер.

Но на этом сравнение с любимыми сказками и заканчивалось: остальной одежды у этой странной компании не имелось, только грязные набедренные повязки.

На груди, на металлических цепях, большие деревянные кресты. У одного вдобавок на голове ни много ни мало венок из прутьев с длинными, частыми колючими шипами. Андрей, приглядевшись, различил, что ткань на маске пропитана пятнами бурого цвета.

«Кровь! Да и венец, скорее всего, терновый, потому как колючая проволока не очень вяжется с… Г-хм!.. с их обликом!»

В руках были плети, которыми они себя одновременно и хлестали. Бум! Удар плетьми! Хэ-эх! И снова бум!

Тот, который в терновом венце, видимо, поскользнулся или наступил босой ногой на острый камень, и колонна остановилась. Кровь текла по рассеченным сильными ударами спинам, каждый их шаг сопровождался стоном, наполненным такой болью, что Андрея передернуло:

«Кто они? Старообрядцы? Сектанты? Хлысты? И главное – зачем они это делают?»

Бум! Барабан снова гулко бухнул, плети взлетели. Хэ-эх!

– Эт домини… Спиритус санкти… Лаудетор Езус… – Андрей разобрал знакомые слова.

– Кар-р! Кар-р!

Ворон взлетел, сделал пару кругов над рекой, сел на мосток и уставился большими, черными, словно крупными бусинами, глазами на людей.

– Кар-р!

– Изыди!

Маленький монах в коричневой рясе, подпоясанный веревкой, завершавший шествие, взмахнул руками.

Ворон взлетел, набрав высоту, стремительно спикировал на монаха, целясь мощным клювом прямо в голову.

Из-за поворота показались еще несколько человек, шедших на небольшом расстоянии от остальных. Четверка мужчин в тускло блестевших металлом куртках, длиннобородые. На поясах, у одного за спиной, длинные ножи или, скорее, короткие мечи.

Ветки и трава мешали ему хорошо разглядеть, но главное Андрей понял сразу: «Воины!»

Шедший впереди вскинул, как показалось Андрею, ружье, но выстрела не последовало. Однако ворон, хрипло каркнув, несколько раз судорожно взмахнул крыльями и упал на песок в нескольких метрах от кустов, в которых лежал Андрей.

Попытавшись подняться, птица неловко забила крыльями, подняв кучу песка, дернулась еще раз и затихла. Из ее спины торчала толстая металлическая стрела. Воины переглянулись между собой, решая, кого отправить за стрелой. Андрей с силой вжался в землю, ожидая, что его непременно обнаружат, как только кто-то подойдет близко к берегу. Один, помоложе, повернулся было, чтобы идти, но резкий окрик остановил его:

– Марек! – Старший повелительно махнул рукой вверх по течению. – Оставь! То поганое!

Язык был очень странный: один из восточнославянских, характерные интонации Андрей уловил сразу, и, что самое интересное, он понимал их речь без затруднений, именно понимал, а не переводил или улавливал по смыслу.

Бум! Хэ-эх!

Колонна продолжила медленное движение вверх по реке. Воины растянулись цепью, один, прикрывавший тыл, зорко оглядывал берега вниз по течению.

Бум! Хэ-эх! Бум!

Постепенно гул барабана становился все тише и тише. Полежав еще минут десять-пятнадцать, Андрей решился встать.

Так и есть! Небольшой, сантиметров тридцать, арбалетный болт! Зазубренный наконечник, пробив перья на груди, хищно блестел каплями вороньей крови.

Андрей потянул, но болт застрял, а птичье тело было необыкновенно плотным и твердым. Он подергал сильнее, но болт не поддавался. Перевернув ворона на спину, он наступил ногами на оба крыла и дернул за наконечник со всей силы. И выдернул…

Выдохшись, Андрей устало опустился на песок. Произошедшее казалось ему дурным сном. Отдышавшись, он стал рассматривать выдернутый из вороньего тела арбалетный болт, стараясь успокоиться.

Однако поводов для спокойствия не было: по сторонам были нанесены глубокие борозды, залитые более светлым по цвету металлом. На граненых плоскостях были нацарапаны кресты и непонятные знаки явно христианского происхождения.

«Та-а-ак! Это, судя по всему, серебро… И на кого они здесь с ним охотятся? – Андрей покосился на берег. – И эти сумасшедшие, занимающиеся самобичеванием…»

– Кар-р!

Судорога прошла по птичьему телу, ворон открыл глаза и уставился немигающим, полным лютой ненависти и злобы, словно человеческим, взглядом на Андрея.

– Тварь!

От неожиданности Никитин отшатнулся. Ворон вывернулся, встрепенулся, перья встопорщились. Прямо на глазах птица раздулась до размеров приличного индюка, здоровая и мощная, словно не ее десять минут назад подстрелили.

Какой комок перьев?! Чудовищный ворон кинулся на него и попытался устрашающим клювом долбануть прямо в глаз. Андрей отшатнулся и врезал кулаком что было силы.

– Сдохни, тварь!

От сильного удара противно захрустели кости. Ворон трепыхнулся, но удар нанес. Клюв просвистел мимо носа и наждаком прошелся по губе. Взревев от ярости, Никитин перехватил чудовищную птицу двумя ладонями за шею. Напрягая все силы, дава нул.

– Тварь!!!

Шея поддалась, противно хрустнуло под руками. Ворон дернулся и затих. На свернутой набок голове оставались жить бездонные черные глаза, но крылья уже не шевелились. Андрей занес кулаки и стал наносить удары, будто месил тесто:

– Сдохни! Сдохни! Сдохни…

– Брат-командор!

– Ваша милость!

Сильные руки и громкие голоса выдернули Андрея из кошмарного сна. В глаза ударили яркие сполохи костра, в пламя которого кто-то из его спутников щедро бросил охапку хвороста.

– Твою мать! Что же это было такое? – Андрея трясло, только сейчас он понял, что окончательно проснулся.

– А ну быстро, ребята! Разбились по парам и просмотрите все вокруг, каждый кустик! – Арни быстро услал молодых, что перестали суетиться вокруг него, похватали оружие и растворились в кустах. Бесплотно, словно духи, даже треска валежника под ногами не было слышно.

Губы саднил, о и Андрей машинально их вытер. Посмотрел на ладонь – она была в крови!

– Так это был не сон?!

Глава 9

– А морда у них не треснет? На халяву за нашей спиной отсидеться желают и десятину не платить?!

Андрей в запальчивости чуть было не прошелся по их матерям, родным и близким, включая таинство зачатия. Однако священник на незнакомые слова не реагировал, догадываясь по интонации об их сущности.

Да и вопрос они сейчас обсуждали крайне щекотливый – что будут делать своевольные белогорцы, если селян хорошо прижать. Взять их «за вымя», используя словцо незабвенного Остапа Бендера, предложил Андрей.

И резонно – два села и несколько выселок, где проживало почти четыре тысячи народа, были богатые и зажиточные, несмотря на то, что половину населения составляли прижившиеся здесь словаки, сбежавшие с родных мест от постоянных набегов воинственных угров – венгров.

Предложить, конечно, можно – вопрос только в одном. Как это им проделать?

Вот тут Андрей спасовал, опасаясь вместо «коровьего вымени» потягать злого быка за некий инструмент. А оттого находился в скверном расположении духа, невыспавшийся и злой. Да еще отец Павел категорически отказался комментировать ночной кошмар, только заметив, что бесы крутят и нужно молиться…

– Села могут до полтысячи человек выставить, если пан Сартский нападет, – священник искоса посмотрел на задумавшегося командора. Тот только усмехнулся в ответ и едко произнес:

– Рыцари пана их в коровью лепеху превратят и даже не заметят. Селяне, может быть, и храбрые люди, но отнюдь не воины. И оружия настоящего нет. А палку с тетивой луком назвать можно, вот только ответь честно – прошибет ли стрела обычную кожу с железными нашлепками? А рыцарский доспех с поддетой под него кольчугой?!

– Шагов с пятидесяти, не больше, – коротко ответил старик. – И рыцарский доспех можно…

– Если в упор, – закончил Андрей. – То есть только из засады, которую один раз организовать можно, и то если супротив беспечный противник. Но надеяться на то, что на флангах боевое охранение не выставят, глупо. И не забывай – у противника полсотни арбалетчиков. В поле с палкой против них шибко не навоюешь. У нас один профессиональный воин трех, а то и пяти ополченцев в бою стоит.

– Здесь то же самое! – в тон ему отозвался старый рыцарь. – А то и десятка, если воин на добром коне и в доспехах. Но у нас ведь тоже есть луки и арбалеты…

– Всего дюжина, если у твоих и моих людей вместе взять. Ну, у белогорцев десятка три добрых луков есть, но никак больше.

– Может, еще несколько арбалетов, но то вряд ли… – тихо добавил старик. – И дороги они, и держать их крестьянам запрещено. А потому никто из купцов даже по двойной цене их сюда не повезет – пан Завойский поймает и на первом суку повесит.

– Весело тут у вас, как я посмотрю. А у нас в Чечне «духам» оружие чуть ли не вагонами, повозки такие, генералы продавали за раз единый. Воеводы наши…

– Не может быть! – выдохнул старик. – Кто же в здравом уме с врагом оружием делиться будет – ведь своих воинов зазря терять?!

– Так оно и было, если веру и честь одна жажда денег заменяет. Но не бери в голову, отче, – Андрей вяло отмахнулся, – нам о другом думать нужно. И скажу честно – я не знаю, как воевать! Меня в армии к другой войне готовили, такой, где недостатки точности и умения компенсируются мощностью боеголовки. А потом еще раз готовили, где замена шла плотностью огня. Если точнее выразиться…

– Огня? Вы что-то жгли? «Греческий огонь»?

– Типа того. Во вспышке тысячи людей погибнуть могут. А стреляли из автоматов – это арбалеты такие, что по три болта за раз единый выстреливают. И тут же перезаряжаются – врага быстрее убивают, чем косой траву на лугу смахивают! Будь это оружие здесь, да десяток тех моих воинов, и разговора бы не было – перебили бы всю конницу пана Сартского, пока короткая лучина горит. Поверь – пулемет страшная штука!

– Охотно верю. А такое оружие ты сможешь сделать?

– Чего нет, того нет. Столетия должны пройти, пока люди смогут так металл обрабатывать. Да и порох создать тоже непросто.

– Слава богу, – священник истово перекрестился. – А то страшно представить, сколько бы людей изничтожили!

– Оно, может, и хорошо, но я совершенно не представляю, как воевать против пана Сартского будем! Не готовили меня к такой войне, понимаешь?

– У вас другое оружие, более страшное, это верно. – Старик посмотрел прямо в глаза, и Андрею показалось, что во взгляде у священника блеснуло лукавство. – Но воин – он всегда воин и освоится с любым оружием. Я же вижу, как ты занимаешься каждый день до изнеможения и крестоносцев, что с тобой пришли, готовишь. Да и засаду на погонщиков ты устроил знатную – мне бы самому не пришло в голову. Сошелся бы в поединке…

– Погиб бы ты напрасно. Втроем супротив дюжины трудно выстоять в открытой схватке.

– Вот-вот. О чем я и говорю. Так придумай что-нибудь. Опыта тебе не занимать, умения тоже. И к тому же ты – командор ордена, его первый меч!

– Научиться бы самому мечом орудовать! – буркнул в ответ Никитин, посмотрев на набитую повозками дорогу с глубокой колеей. – Кажись, кто-то на телеге едет?

– Тракт здесь в Словакию идет через перевалы. Раньше на дню по пять обозов проходило, а то и больше. А сейчас редко когда за день повозка в Белогорье прикатит, а в горы уже года три никто не ездит, оттуда люди бегут. – Отец Павел присмотрелся. – А, это торговец из Плонска! Иной раз сюда приезжает – оружейник он…

– Оружейник? – с неподдельным интересом спросил Андрей и, лязгая доспехом, тяжело поднялся с теплого камня, на котором они сидели под раскидистыми кронами деревьев. – Пойдем, посмотрим, зело любопытно, что за товар нашим белогорцам привезли?!

– Пойдем, – согласился священник и хмыкнул: – А привез он железо для кузниц, в лучшем случае кинжалы и наконечники. И то вряд ли – местные их сами куют. Так что одно железо и ничего более.

Они спустились с пригорка и вышли к проселку – и тут же появилась добротная повозка, запряженная парой сытых и крепеньких лошадок. На облучке сидел возница, украшенный шрамами, – ни дать ни взять обычный вышибала или «браток» из т о й, прежней жизни.

Рядом с ним восседал купец – рожа отнюдь не постная, Бог шельму метит, с бегающими глазками. Вот только вряд ли трус – тут быть торговцем зело опасное занятие, в один миг имущество, а если особо не повезет, то и голову разом потеряешь.

А потому вооружена была парочка достойно – рядом лежали не какие-нибудь топоры, а добрые боевые секиры с широкими лезвиями, а из-под наброшенной на товар дерюги выглядывало краешком арбалетное ложе.

– Ах, ваша милость! Слухом добрым земля полнится!

Зачастил торговец и, резво спрыгнув с облучка, отвесил низкий поклон. То же самое проделал и возница, но молча, настороженно поглядев на подступивших с двух сторон орденцев в красных плащах.

Теперь, по негласному приказу священника, командора постоянно охраняли Арни и прибывший из Белогорья Иржи, старый мечник, матерый вояка, уже второй двенадцатилетний срок пребывающий под знаменами ордена Святого Креста.

– Это каким же слухом? – грубовато спросил Андрей, положив руку на теплую рукоять меча.

– А то, что вы, ваша милость, изрубили в капусту добрых две дюжины воинов пана Сартского у Запретных земель и столько же людей пана Завойского в Притуле. В Плонске все радуются, а я вот решил помочь…

– И поторговать себе в пользу! – грубовато перебил купца Андрей, а тот угодливо поклонился и не стал отнекиваться.

– Не без этого, ваша милость! На сем торговля стоит. Но и риск немалый – если бы мою повозку воины местного пана нашли, то не сносить мне головы. А потому в обход шли, коней притомили, страху натерпелись, и все лишь для пользы богоугодного ордена Святого Креста, коему наша матерь-церковь покровительствует.

– Откинь дерюгу! – Андрею надоели славословия купца. – Я хочу твой товар посмотреть!

– Да, ваша милость, сейчас. – Торговец услужливо засуетился, отдергивая дерюгу и открывая содержимое. И первое, что бросилось в глаза, – длинные бруски из какого-то дерева, что занимали по длине почти всю отнюдь не короткую повозку.

– Это тис, ваша милость, он намного лучше, чем ясень или вяз, из которого в здешних землях луки делают. Мне по случаю досталось, из восточных Карпат в Плонск завезли. Задорого купил, по два гроша дал…

– Хватит брехать, Заволя. С дурика привезли, ты за бесценок и прикупил – такая заготовка для двух луков грош стоит, красная ей цена. А вяз или ясень за полгроша идут. – От гневного голоса священника купец махом скривился, но тут же вернул прежнее умильное выражение, надеясь подороже всучить залежалый товар.

– Так ведь нужный он, батюшка. У пана Сартского арбалетчиков много, а тис-то всяко лучше вяза…

– На полсотни шагов дальше бьет, и только. Арбалет на полторы сотни. Так что разница не велика. Не возьмут у тебя здесь ничего.

– Как же так, святой отец?! Вез, рисковал…

– А почему они длинные такие? – спросил Андрей, прервав причитания торговца, и тут же поймал на себе недоуменные взгляды, будто ляпнул неслыханную глупость, и решил поправиться: – Везти такие неудобно. Из повозки едва не торчат. Могли и увидеть.

– А, ваша милость, – облегченно протянул купец, взглянув с некоторым одобрением, – благодарствую за заботу, только лучные мастера длинные бруски берут и потом на два пилят, дабы каждому по руке было, кому длиннее, а кому покороче. По руке, значится. Да и редок тис – ядовит, скотина дохнет, вот и извели его. Только там, на востоке, он еще в горах растет.

– А еще что привез? – спросил Андрей, не в силах оторвать свой взгляд от брусков: не мог вспомнить что-то важное, о чем он знал давно, но как-то запамятовал. А ведь читал когда-то про тисовые луки…

– Доспехи там ратные, из кожи. Почти новые, с дюжину. Ну, некоторые самую малость попорченные. Но мы их подлатали. Топоры хорошие, три десятка, наконечники для стрел, пара сотен.

– Продырявленные, ты хотел сказать. Бывшие в употреблении, – хмыкнул Андрей, оценив предприимчивость купца. Расчет тот имел верный – паны Сартский с Завойским наверняка попытаются взять реванш, и белогорским селянам придется несладко. Потому они будут рады купить у него втридорога оружие и доспехи.

«А ведь на этом и нам нужно сыграть. Страх перед разъяренными панами сделает местных аборигенов намного сговорчивей. И за «крышу» мы с них хорошо стрясти можем. Нет, надо сделать иначе, как у наших рэкетиров принято – пусть сами себя защищают, но при этом и нам платят», – Андрей хмыкнул, и тут в памяти всплыло то, самое нужное, что он прочитал в романе Конан Дойля «Белый отряд» про тисовые луки.

– Мы возьмем у тебя всю повозку – в Белогорье не повезешь!

Вот тут орденцев проняло от таких слов – они все вылупили на него глаза с немым воплем, в котором читалось одно. Особенно красноречивым был взгляд отца Павла, в котором прямо прорвалось:

«Ты что творишь, самозванец хренов! Зачем нам это дерьмо?! Ты почто казну орденскую, и без того тощую, как вымя козы, такими дурными тратами изводишь?!»

– Тридцать злотых, ваша милость. – Купец радостно выдохнул, глаза полыхнули алчным огнем. Еще бы – знатные рыцари платят не торгуясь, а потому можно заломить несусветную цену, но тут же опомнился и заканючил скороговоркой:

– Хороший товар, очень дешевый. Задарма почти отдаю, себе, бедному, в убыток, лишь бы орден Креста смог этих панов унять, чтоб наша церковь довольна была!

– Хорошая цена, справедливая! – почти благодушным голосом бросил Андрей и крепко сжал руку священника, который хотел разразиться гневной отповедью на такой беззастенчивый и наглый залом цены.

– Сейчас мы все быстро подсчитаем. Полсотни брусков по грошу, это два с половиной злотого. По грошу, купец, – красная цена! Не спорь! Три десятка топоров по пять грошей. Это тоже хорошая цена, купец, – без топорищ берем и неточеные. Такие на грош дешевле будут. Но мы по пять берем, цени нашу щедрость. Это еще на семь с половиной злотых. Доспехи кожаные, «бэу», так сказать, дадим по пятнадцать грошей, как за новые. Это еще столько же будет. Наконечники по полгроша примем за пару, итого на пять злотых!

Андрей быстро производил подсчет, умножая цифры в голове и переводя гроши в злотые, и чуть не засмеялся, глядя на ошарашенные лица купца и старого священника, ошеломленных таким проявлением математических способностей.

– Итого на двадцать два с половиной злотого, – подвел итог Андрей и сделал вывод, что местным барыгам далеко до так называемых менеджеров в его времени. Те даже дерьмо ухитряются продавать и из воздуха деньги делать. И нанес ошеломительный для купца удар:

– Арбалет плохенький, но так и быть, возьмем за пять злотых, переплатим в полтора раза. Это я так, сегодня добрый! То же и секиры – по злотому. Но и половинку злотого за риск и усердие. Итого три десятка золотых монет. Расплатись с ним, брат Павел, он честный малый.

Купец разевал рот как рыба – попытка содрать с орденцев подороже у него не вышла, да еще своего оружия при этом лишился. А священнику, который уже открыл рот, Андрей хитро подмигнул, и тот поперхнулся словом, сообразив, что командор ведет какую-то хитрую игру.

– Арбалет… Это… И секиры, ваша милость! – пришел в себя торговец, но Андрей не дал ему возможности вытребовать обратно свое оружие.

– Я сказал, что забираю все оружие и содержимое с повозки! Ты попросил тридцать злотых. Цена тебя устроила, нас тоже. А потому сгружай вон у тех навесов, Заволя!

– Дык как же я обратно безоружным поеду, и с такими деньжищами?! А вдруг тати?! – во весь голос взвыл купец.

– Ты прав, – хмыкнул Андрей и добавил непонятное: – Нам с тобой еще предстоит коммерцией заняться, – и повернулся к Арни. – Дай ему два наших топора и охотничий лук с двумя десятками стрел. Это тебе дар от ордена, отобьешься в дороге. А в упор стрелять лук более годится, арбалет тут не пляшет! Пока его зарядишь…

– А какие нам еще торговые дела решать, ваша милость? – В купце явно имелась предприимчивая жилка, а потому нужные для себя слова он махом выловил в чужой речи и перетолмачил на свой лад.

– Через шесть недель ты привезешь сюда вдвое больше тисовых брусков, длинных, точно таких. Возьмем по грошу штуку. И тул для стрел сотню, не меньше. – Купец непроизвольно охнул, не сдержались и орденцы, ибо размеры заказа впечатляли.

– И стрел длинных, для дальнобойных арабских луков, с узкими наконечниками на броню, оперенных – три тысячи! Вот таких длинных, – он взял палку и прикинул размер – как раз до середины тисового бруска.

– Дык не успею, срок-то короткий, – запричитал купец и умоляюще сложил руки. – Где я столько тиса враз возьму?

– Хочешь жить – умей вертеться! – с легкой гримасой неудовольствия парировал его просьбу Андрей и зло усмехнулся, сжав зубы.

– Тогда привезешь за четыре недели втрое больше брусков от нынешнего – полторы сотни! Мне как раз хватит, не луки же из них делать. Но доставишь тул две сотни, и стрел вдвое больше от сказанного! А если раньше на день сюда прибудешь, то ползлотого тебе дам за спешность. На четыре дня – два злотых. Считать умеешь? Но без обмана, все привезешь новое и хорошо сделанное, изъянов всяких быть не должно. Смотри у меня!

– Все сделаю, ваша милость! Где сгрузить-то прикажете? Мне обратно торопиться нужно, ваш заказ исполнить, час каждый дорог!

Глава 10

Лошадь всхрапнула и шарахнулась в сторону. Крупная птица, похожая на филина, тяжело взмахнув крыльями, поднялась с ветки и пролетела и уселась на ветку полуобгоревшей сосны, торчащей одиноким костылем на небольшой поляне.

Сартский оглянулся. Мощные, величиной почти с человеческие пальцы, когти сжались, и кора с шелестом посыпалась на жухлую траву. Встретившись на мгновение взглядом с огромными немигающими глазами, он поспешно отвернулся.

– Черт бы тебя побрал, Войтыла! Черт бы тебя побрал!

Тяжелый, словно вата, туман полз от болота по маленькому распадку. Воздух, недвижимый и тягучий, казался осязаемым, настолько сгустились и смешались друг с другом смрадные испарения болота и гниющих листьев, затхлая вонь от заросших причудливым мохнатым мхом искореженных стволов некогда прекрасной березовой рощи и чувство гнетущего напряжения, переходящего в необъяснимый животный страх.

Сартский вполголоса выругался, поежившись, словно от лютого, пробирающего до костей холода. Ощущение тяжелого взгляда в спину возникало сразу же, как только он сворачивал с тракта на полузаросшую, нехоженую тропу, ведущую в Гнилую падь.

– Словно морок какой-то… – Сартский разглядывал скрюченные стволы деревьев с чахлыми листочками. – Ведь еще пять зим назад я здесь на оленей охотился… А сейчас не то что люди селиться рядом перестали, дичь – и та ушла! Ох, зря я пригрел колдуна!

Ф-фух! Оглушительная тишина нарушилась очередным жалобным вздохом лошади. Казалось, треск от ломавшегося под копытами валежника разносился на всю округу.

– Не хватало еще, чтобы волки пожаловали! – прошептал Сартский вполголоса, сжав в руке нательный крестик. – Нет! Сожгу я его к чертовой матери, чернокнижника! Господи! – по спине побежали ледяные мурашки, собираясь в низу живота в тягостный ком. – Вот накаркал!

В сумрачной, чуть подернутой сизым туманом чащобе, замелькали серые, пригибающиеся силуэты. Лошадь замерла как вкопанная, поводя ушами. Хищно сверкнули невдалеке огоньки желтых глаз.

– Н-но! – Лошадь не реагировала на шенкеля, судорожно вздымавшиеся бока ожгла плеть. – Пошла, волчья сыть!

Вздыбившись, лошадь увернулась от бросившегося хищника, ударив его при этом задним копытом, и с места понесла в карьер.

– Пошла! Пошла! – Сартский нахлестывал несчастное животное, и без того понимавшее, что их нагоняют. Волчий вой, слышавшийся поначалу за спиной, раздавался уже сзади с обеих сторон.

Минуты бешеной погони казались вечностью. Вот уже знакомый поворот, за которым должна была показаться землянка Войтылы. Черная тень метнулась под ноги лошади, но гнедая, уже хрипя и роняя пену с удил, рванулась из последних сил.

Промахнувшись, волк снова пошел в атаку, в два прыжка нагнав лошадь. Другой серый хищник подскочил рядом, и челюсти, щелкнув, едва не достали до сапога всадника.

Сартский, перегнувшись в седле, изловчился и ударил плетью того, что был ближе всех. Тот кувыркнулся, дернулся и остался позади.

Волки, а их осталось четверо, заходили попарно с обеих сторон, и можно уже было ощутить смрадный запах псины, исходящий от их влажной шерсти. Обернувшись на мгновение, он увидел густой туман, затягивающий тропинку…

Падение с лошади было таким же стремительным, как и скачка: огромный, вывороченный бурей с корнем дуб преградил дорогу, и гнедая чудом не влетела в него на полном скаку.

Волки не нападали на него, осторожничали. Трое стояло чуть в стороне, ощеряясь, наклонили головы, пропуская вперед вожака. Огромный черный волк медленно заходил справа.

Сартский огляделся: лошади не было, она успела убежать, а волки не кинулись в погоню, значит, им нужен был он. Это конец! Один, безоружный, с коротким кинжалом, он ничего не сделает против них, ведь меч и арбалет остались притороченными к седлу.

Волк пригнулся для броска, но на оскаленной морде горели не яростным огнем кровожадные глаза хищника, наоборот, волчий взгляд был человеческим, ярко-голубые глаза смотрели пренебрежительно, даже с презрением. Волкодлак!

Сартский вынул из ножен кинжал, готовясь принять на него оборотня, но внезапно, словно по команде, волки замерли, как будто к чему-то прислушиваясь, и вслед за оборотнем скрылись в чаще.

– Не только колдуна сожгу, – он с трудом поднялся, – но и весь лес со всеми его тварями…

Землянка Войтылы выглядела нежилой: внутри через откинутый полог виднелись разбросанные вещи, разбитые черепки захрустели под ногами.

– Эй, колдун! – Сартский заглянул внутрь. – Ты, часом, не помер?

На топчане кто-то или что-то зашевелился. Тряпье откинулось, и раздался дребезжащий голос Войтылы:

– Ох! Преставлюсь скоро, пресветлый пане! Ох! Душенька моя горемычная…

– Да черти тебя на том свете заждались, нехристь поганая! – Сартский зло сплюнул. – Чего блажишь? Опять в гадину оборотился какую-нибудь и тебе хвост оттоптали? Вылезай и говори, как сделал? Вылезай! А то за хиршу вытяну!

– Ох! – Голос колдуна зазвучал еще жалобнее. – Да разве ж я для светлого пана Конрада когда здоровья и сил жалел? Да я…

Договорить ему Сартский не дал. Он, с трудом протиснувшись в узкое входное отверстие, выволок за шкирку колдуна и бросил перед собой на землю. Войтыла обхватил Сартского за ноги и заголосил:

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.